

ЛЕОНА ДІЖИН

ІГРА

Смертельная угроза

Леона Дикин

Игра

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31184(4Вел)-44

Дикин Л.

Игра / Л. Дикин — «Издательство АСТ», 2019 — (Смертельная угроза)

ISBN 978-5-17-119995-1

Четверо людей бесследно исчезли в свой день рождения. Четверо людей, никак не связанных между собой: женщина-военнослужащая средних лет, мужчина, готовящийся стать отцом, успешный бухгалтер – мать двоих детей и юноша-студент. Единственное, что их объединяет, – полученные ими странные открытки с надписью: «Твой подарок – это игра. Слабо сыграть?» Полиция не торопится браться за эти дела – какое дело закону до чьих-то странных игр? Но семьи пропавших уверены: все очень и очень серьезно. Опытный психолог Огаста Блум и ее напарник Маркус Джеймсон берутся за расследование... и очень скоро приходят к шокирующему выводу: возможно, бояться надо не за четверых пропавших, а их самих.

УДК 821.111-31184(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-119995-1

© Дикин Л., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	15
Глава 6	20
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леона Дикин

Игра

*Посвящается моим сестрам Элизабет и Джоанн.
Спасибо, что вдохновляете меня писать.*

Все мы личинки. Но я убежден, что я личинка светлячка.
Уинстон Черчилль

*Уснет Природа, и в ночи
Светляк фонарь зажжет.
И позвут его лучи
Сородича в полет.*
Джеймс Монтгомери

Глава 1

Светлые волосы четырнадцатилетней Серафины Уокер ниспадали красивыми локонами. Она носила облегающий школьный джемпер и короткую юбку. С первого же взгляда в ней угадывалось нечто притягательное. Но как и светляки, гипнотическим сиянием привлекающие добычу, Серафина Уокер была совсем не такой, какой казалась.

Трезвонил школьный звонок. Серафина уронила карандаш. Он упал с тихим стуком, разбрызгивая по паркету крошечные капельки крови с острия. Школьный смотритель лежал рядом с карандашом, скорчившись и схватившись руками за шею, вокруг него расплывалась багровая лужа. Он почти наверняка умирал.

Выглядело красиво. Думать об этом – значит проявлять неуважение? Пожалуй. Как и стоять здесь, наблюдая, как с каждым вдохом вспухают и лопаются на его подбородке кровавые пузыри.

Серафина понимала, что должна отвести взгляд. Но не могла. Увлеклась. И поразились внезапному порыву встать на колени, очутиться поближе, посмотреть, какую ранку оставил ее карандаш на коже – ровную или рваную. По логике, вероятнее первое. Она ударила его карандашом быстро и решительно, значит, ранка должна быть аккуратной. Но ей хотелось убедиться. Просто рассмотреть вблизи.

– Серафина? Серафина?..

Через спортзал бежала миссис Браун. Огромный бюст учительницы рисования прыгал вверх-вниз, вверх-вниз, ее вельветовая юбка с шорохом терлась о сапоги. На лице застыло выражение паники и ужаса. Серафина удивилась. Она ожидала возмущения. Перевела взгляд на Клодию, которая всхлипывала, обхватив обеими руками подтянутые к груди колени и уткнув в них трясущуюся голову. Миссис Браун пронеслась мимо нее, не обратив внимания. Клодия подняла голову и зарыдала громче. Ее глаза покраснели, щеки были полосатыми от слез, а выражение лица – странным. Без признаков облегчения.

Серафина хорошо считывала людей. Даже очень. Но ей не всегда удавалось понять их. Почему они плачут? Почему визжат? Почему бегут?

И она наблюдала. Изучала их. Подражала. И дурачила.

Глава 2

С кофе в руке и все еще в пижаме, Лана сидела за маленьким столом на лестничной площадке и, пренебрегая видом северных районов Лондона за окном, не сводила глаз с экрана ноутбука. Она только что прошла в «Фейсбуке» популярный тест «Какой вы кофе?» и теперь откинулась на спинку стула, обхватила кружку обеими руками и ждала, когда загрузятся результаты. Экран был слишком ярким, курсор мигал в такт пульсирующей боли в висках. Более терпеливый человек открыл бы настройки и подкрутил контраст, а Лана просто выдернула вилку из розетки, заставив ноутбук переключиться в энергосберегающий режим и снизить яркость экрана на три пункта.

А вот и результат: «Вы – двойной эспрессо, для большинства чересчур горячий и крепкий». Лане понравилось, как это звучит. Ее дочь выражалась гораздо менее лестно, используя слова вроде «безответственность», «сумасшествие», «хаос». Джейн осудила бы ее за бутылку из-под вина в мусорном ведре на кухне и за водку на тумбочке у кровати. В возрасте Джейн Лана была неразборчивой в связях наркоманкой с минимум тремя приводами за мелкие правонарушения, так что по сравнению с жизнью, которую устроила Лана собственной матери, нетерпимая дочь-зануда – пустяк. Чуток досадно, конечно, но в общем-то ерунда.

Лана поделилась результатами с друзьями в «Фейсбуке» и с подписчиками в «Твиттере». Марж запостила цитату про хорошее, которое случается с хорошими людьми. Еще семнадцать лайкнули ее. Лана отреагировала – стремительно отстучала «скажи это тем 39 посетителям ночного клуба в Стамбуле, которые погибли в перестрелке» и нажала «ввод». Какими все-таки тупыми и жизнерадостными дебилами бывают люди.

В дверь постучали. Лана зашлепала босиком вниз по лестнице, гадая, каким человеком надо быть, чтобы дубасить кулаком в дверь, на которой есть идеально работающий звонок. «Растворимым кофе, в котором молока больше, чем кофе, и два куска сахара», – пришла она к выводу, пока открывала дверь. Там никого не было. Лана осматрелась, ища взглядом открытку из службы доставки или посылку, оставленную на пороге, но не нашла ни того ни другого.

– Глупая мелюзга, – буркнула она под нос и ушла снова ставить чайник.

В кухне она насыпала молотый кофе в кофеварку, залила его водой и ополоснула кружку в раковине. В саду большой черный дрозд силился вытащить из земли свой извивающийся завтрак. На какое-то время показалось, что червяк победит, но птица потопталась на месте, словно в птичьей танце смерти, и – бздынь! – выдернула червяка. Лана обернулась, чтобы достать из холодильника молоко, – тут-то и увидела его.

Этот маленький белый конверт валялся в прихожей на коврик у входной двери. Открывая на стук, она отпихнула его дверью к стене. Лана подошла, подняла конверт и перевернула его. На нем что-то блеснуло. Ее имя, оттисненное с лицевой стороны серебристыми буквами.

Зазвонил ее телефон. Вынув его из кармана, она взглянула на экран.

– Привет, детка, – ответила она сиплым с похмелья голосом.

– Хотела поздравить тебя с днем рождения, – сообщила Джейн.

– Ну валяй, – разрешила Лана.

Краткая пауза.

– С днем рождения, мама. Есть планы на сегодня?

Что в переводе означало «только не торчи весь день в пабе».

Вопрос дочери Лана пропустила мимо ушей.

– Эта открытка от тебя? – Снова пауза. – Открытка, которую только что принесли, – уточнила Лана. – Ты ее отправила?

– Какая открытка?

– Проехали. Ты заканчиваешь как обычно? Сходим куда-нибудь выпить чаю?

Джейн что-то сказала в сторону, прикрыв ладонью микрофон, затем снова в трубку:
– Мне пора, мама. Позже увидимся. Хорошего тебе дня.

«Маленькое латте с обезжиренным молоком» – это про Джейн. Ни избытка кофеина, ни жиров: благоразумный, скучный кофе. Лана вспомнила про конверт, открыла клапан и достала белую открытку. С надписью на лицевой стороне: «С первым днем рождения».

Шутка, что ли? Она не поняла.

Лана развернула открытку и прочла внутри:

**ТВОЙ ПОДАРОК – ЭТА ИГРА.
СЛАБО СЫГРАТЬ?**

Лана улыбнулась.

– Что еще за игра?

В открытку из белого глянцевого картона была вложена длинная полоска папиросной бумаги с URL-адресом и кодом доступа. Лана достала телефон, открыла браузер, ввела адрес и код. Загрузилась чистая белая страница, затем появилась надпись тем же серебристым шрифтом:

**ПРИВЕТ, ЛАНА,
Я ДАВНО НАБЛЮДАЮ ЗА ТОБОЙ.
ТЫ ОСОБЕННАЯ.
НО ТЫ И САМА УЖЕ ЗНАЕШЬ, ВЕРНО?
ВОПРОС ВОТ В ЧЕМ...**

Лана прокрутила страницу вниз.

ГОТОВА ЛИ ТЫ ДОКАЗАТЬ ЭТО?

Ниже обнаружилась большая красная кнопка с единственным словом «ИГРАТЬ». Потом появилась еще одна фраза. Она бежала по экрану справа налево, повторяясь вновь и вновь.

Я БРОСАЮ ТЕБЕ ВЫЗОВ.

Как все предыдущие и все последующие игроки, Лана нажала кнопку. Страха она не чувствовала. И не остановилась, чтобы задуматься о последствиях или загадочной открытке. Ей просто хотелось поскорее узнать, что будет дальше.

Глава 3

Серафина сидела в маленькой комнате без окон в полицейском участке и размышляла, убедительно ли звучат ее ответы, нормальны ли они. Она понятия не имела, как рассказывал бы о таком обычный человек. И полагалась на полицейские сериалы, книги и собственную фантазию.

– Итак, расскажи нам еще раз, Серафина: как ты очутилась сегодня утром в спортзале?

Констебль Кэролайн Уоткинс задавала этот вопрос уже дважды. Голос у нее был высокий, девчоночий. Темные волосы собраны в аккуратный узел на затылке. Красилась она сильно, но безупречно, и с каждым повтором вопроса у нее дергался левый глаз.

Серафина пожала плечами.

– Нам просто было скучно, – уже в третий раз сказала она.

– И как ты уже говорила, школьный смотритель Даррен Шоу последовал за тобой и Клодией Фримен?

Серафина кивнула.

Уоткинс многозначительно склонила голову в сторону записывающей аппаратуры.

– Да, – произнесла Серафина.

– А карандаш?

– Он лежал у меня в кармане.

Уоткинс смотрела Серафине в глаза.

– А, ну да, – согласилась она. – После урока рисования, – еле заметная улыбка тронула ее губы.

– Нет, – поправила Серафина. – ТП. Технологии проектирования.

– Конечно же. Я ошиблась. – Констебль Уоткинс сделала вид, будто что-то исправила в своих записях. – Итак, мистер Шоу подошел к Клодии в спортзале. Ты сказала, что она попала. Что ты имела в виду?

Ее глаз снова дернулся.

Серафина в точности повторила свой прежний ответ:

– Он схватил ее сзади за шею и полез рукой ей под джемпер.

– И ты уверена, что эти действия не были консенсуальными?

Серафина помедлила немного, прикидывая, что могла бы сказать эта сучка Клодия. Они дружили, но Серафина знала, что Клодию раздражает популярность подруги. Насколько далеко зашла Клодия, чтобы подгадать ей?

– Ты уверена, что он принуждал Клодию и действовал вопреки ее желанию? – спросила Уоткинс.

– Ей пятнадцать, – ответила Серафина, оскорбленная тем, что ей попытались растолковать значение слова «консенсуальный».

Щеки Уоткинс вспыхнули.

Мать Серафины, которая до этого сидела молча, как велено – она такая послушная рохля, – теперь подала голос.

– На что это вы намекаете? – спросила она и опустила руки, которые до тех пор держала скрещенными на груди. – У нас приличная семья. Моя дочь и мухи не обидит. Этот человек напугал ее, она просто защищалась.

– Это так, Серафина? Ты испугалась? – спросила Уоткинс.

– Да.

– Он отпустил Клодию и напал на тебя?

– Да.

– И ты накинулась на него с карандашом – по твоим словам, в надежде оцарапать его?

– Да, – ограничилась кратким ответом Серафина.

Уоткинс смотрела ей в глаза.

Она не верит мне, думала Серафина. Потупившись и ссутулив плечи, она съжилась на своем стуле и принялась ковырять кожу вокруг ногтей. Мне четырнадцать лет, я напугана. Я никому не хотела причинять вреда. Просто пыталась помочь подруге, и вот теперь меня допрашивают.

На миг ее встревожила мысль, что ничего у нее не выйдет. Может, поза не та или выражение лица не такое, как надо. Полицейских ведь учат распознавать обман.

Но Уоткинс собрала свои бумаги.

– Ладно, пока достаточно. Сделаем перерыв, констебль Феликс проводит вас в столовую. – Уоткинс продолжала, обращаясь к матери Серафины: – Надо что-нибудь съесть – это поможет справиться с шоком. – И когда снова посмотрела на Серафину, ее улыбка заметно потеплела: – А потом мы еще поговорим.

Серафина кивнула. *Я беззащитная девчонка-подросток, у меня шок. Я беззащитная девчонка-подросток, у меня шок.* Как она уже выяснила, мысленно повторять эти слова полезно.

Уоткинс встала и вышла. Серафина расслабилась. Задача оказалась раз плюнуть.

Глава 4

Секундная стрелка больших часов в приемной мелкими прыжками продвигалась к девяти. Выпрямившись в кресле, доктор Огаста Блум наблюдала за стрелкой с чувством, будто каждый короткий скачок отражает ее тревоги, все то, что могло помешать ей сосредоточивать внимание на собеседнике на протяжении целого часа. Она знала, что ей предстоит непростой сеанс. Она читала протоколы и знала, чего ожидать. Жертва, которой была нанесена психологическая травма, прибегла с целью самозащиты к непредумышленным, но жестоким действиям.

Тик.

Тик.

Четырнадцать лет. В четырнадцать лет еще положено одной ногой оставаться в детстве. Наивность мало-помалу улечивается: сначала исчезают Санта и зубная фея, затем приходит понимание, что и у родителей есть недостатки, потом – что люди бывают эгоистичными, и наконец – что сам мир порой невысказанно жесток. Из детства надо выпутываться постепенно, чтобы разум успел адаптироваться. Если грубо срывать его покровы разом, от них остаются следы отрицания, гнева и, в конечном итоге, отчаяния.

Блум была не в силах повернуть время вспять и устранить травму. Но она могла попытаться сделать так, чтобы в детском разуме прибавилось света, и слегка уменьшить масштабы бедствия.

Серафина помедлила в дверях небольшой комнаты, оценивая доктора Блум. Она сидела в кресле с высокой спинкой и деревянными подлокотниками – короткая стрижка, волосы оттенка овсянки, черные брюки, зеленый джемпер с треугольным вырезом. Вид элегантно и опрятно. На ногах – черные туфли без каблуков; мать Серафины назвала бы их практичными. Ноги психолога едва доставали до пола.

Коротышка, как я, подумала Серафина. Это может оказаться кстати.

– Привет, Серафина, – сказала доктор Блум. – Проходи и садись. – Руки она держала сложенными на коленях, на маленькой черной книжке. Дождавшись, когда Серафина сядет, она продолжила: – Как ты себя чувствуешь сегодня?

Серафина поморгала.

– Ничего, – сказала она. Осторожный ответ.

– Ничего, – повторила доктор Блум. – Ты знаешь, почему твоя мама попросила меня побеседовать с тобой?

– Из-за зрителя.

Доктор Блум кивнула.

– Ты знаешь, что я психолог? – Когда Серафина подтвердила, что это ей известно, доктор Блум добавила: – Я работаю с молодыми людьми, которых обвиняют в совершении преступления.

– Значит, вы работаете на полицию?

– Иногда. Хотя преимущественно я сотрудничаю с адвокатами и их клиентами или работаю с группами молодых совершеннолетних преступников, обычно в ходе подготовки к суду. Но твоя мама попросила меня поговорить с тобой сегодня, так как обеспокоена тем, как отразились на тебе недавние события. И вот я здесь – чтобы помочь тебе осмыслить их. Спешить нам некуда, будем двигаться в темпе, который удобен тебе. Вот стакан с водой, вот бумажные платки, а если в какой-то момент тебе захочется прерваться, просто скажи, и мы остановимся.

Серафина смотрела на коробку с платками. *От меня ждут, что они мне понадобятся,* думала она.

– Как мне к вам обращаться?

– «Доктор Блум» будет в самый раз. Насколько я понимаю, ты очень способная ученица, учителя считают, что у тебя огромный потенциал. Тебе нравится школа?

Серафина пожала плечами.

– По словам твоей матери, ты отличная спортсменка. Она говорит, ты играешь в нетбольшой команде и выступаешь за округ в соревнованиях по бадминтону. Это правда?

Серафина снова пожала плечами.

– А еще ты сыграла главную роль в прошлогодней школьной постановке, так что ты действительно разносторонняя личность.

Серафина поерзала на стуле. Ей требовалось взять себя в руки. Она вела себя как какая-нибудь из ее глупых подружек. Посмотрев, как сидит доктор Блум – спина прямая, ступни аккуратно сдвинуты вместе, руки на коленях, – Серафина выпрямилась.

– У меня хорошие оценки по естественным наукам и математике.

Доктор Блум кивнула.

– Мне нравится заниматься спортом. – Она передвинула правую ступню так, что она очутилась точно под правым коленом.

– А еще ты единственный ребенок в семье. Ты близка со своими родителями?

– Очень.

– Это хорошо. – Доктор Блум улыбнулась, словно ответ доставил ей неподдельное удовольствие. – Можешь объяснить, что означает твое «очень»?

Серафина пододвинула левую ступню параллельно правой.

– И мне нравится предмет «технологии проектирования», потому что мистер Ричардс – замечательный учитель.

И очень-очень остро точит карандаши.

– Ясно.

– Вы изучали медицину? – спросила Серафина, складывая руки на коленях.

– Нет, я защитила диссертацию по психологии. Ты знаешь, что это?

Серафина кивнула.

– Где вы учились? Я пока не знаю, стоит ли заморачиваться с университетом. По-моему, это напрасная потеря времени; я могла бы просто начать зарабатывать деньги. Как вы думаете?

– Ты могла бы сказать, с кем из родителей ты более близка – с матерью или отцом?

Ни с кем, подумала она.

– С обоими. Одинаково.

– И они оказывали поддержку после нападения?

Друг другу. Словно это они жертвы, чтоб их. Серафина скрыла раздражение улыбкой.

– Да, огромную.

– Огромную? – Серафина остро ощущала взгляд карих глаз доктора Блум, прикованный к ее глазам. – Что ж, тебе очень повезло, Серафина.

Что-то в ее словах навело Серафину на мысль, что доктор имела в виду совсем обратное.

– Можешь рассказать мне своими словами, что произошло в спортзале?

Серафина набрала побольше воздуха. К этому вопросу она была готова.

– Мы с Клодией вошли в зал, зритель направился за нами. Как выяснилось, он трахался с Клод уже несколько месяцев. Не то чтобы она этого хотела. Он ее насиловал. И когда увидел, что мы ушли в зал, решил, что сможет развлечься с нами обеими. Клодия хотела остановить его, но он кинулся на меня и попытался облапать. Зажал меня в углу, и я не знала, что делать. Вот и... – Серафина сделала паузу: надо было четко сформулировать продолжение. – В кармане у меня был карандаш, и я ударила его им. Я думала, что оцарапаю его, отвлеку и у нас будет шанс сбежать. Но попала ему прямо в шею – хлюп, и вдруг полилась кровь. Он был весь в крови, поскользнулся, упал и больше не встал. Вот и все.

Доктор Блум открыла блокнот и записала три или четыре слова.

– Спасибо. Очень ценная информация. А когда зритель зажал тебя в углу... – она продолжала что-то записывать, – ...и до того, как ты пустила в ход карандаш... о чем ты думала?

– Не хотела, чтобы этот урод изнасиловал меня.

Доктор Блум подняла голову.

– А что чувствовала?

– Насмерть перепугалась.

Доктор Блум кивнула:

– Нисколько не сомневаюсь. А что ты видела в тот момент?

– Видела?

– Ты замечала все, что происходило вокруг, или сосредоточила внимание на какой-то одной детали?

Серафина вспомнила, как уставилась на пульсирующую жилку на шее Дундука Даррена.

– Кажется, я... не помню.

– Ты кричала или визжала?

– Нет.

– А Клодия?

Серафина покачала головой.

– И почему же?

– Он запер двери. Это было бесполезно.

– Значит, вы не могли сбежать или рассчитывать, что к вам придут на помощь?

Серафина кивнула.

– Он зажал тебя в углу и его намерения были очевидными?

– Да.

– И ты насмерть перепугалась?

– Да, – Серафина подавила улыбку. Удачное выражение.

Доктор Блум помолчала и глубоко вздохнула.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что перепугалась? Можешь описать, как ты себя при этом чувствовала?

– Эм-м...

Заполнять паузу доктор не стала.

– Сколько раз мы встретимся? – спросила Серафина.

– Сколько потребуется.

– А обычно как бывает?

Доктор улыбнулась.

– Ты считаешь случившееся обычным делом, Серафина?

Срань. Надо лучше следить за тем, что говорю.

– Извините. Нет, просто я подумала, что вряд ли встреча будет одна.

– Я пойму это после того, как мы встретимся несколько раз. – Доктор Блум захлопнула блокнот. – Нам обоим было бы полезно, если бы ты вела дневник и записывала свои мысли о случившемся и о наших встречах. Что осталось в памяти, любые детали, которые вспомнились потом, что ты чувствуешь и как приспосабливаешься. – Доктор Блум вынула из стола позади нее второй такой же блокнот и протянула Серафине: – Он тебе пригодится.

Серафина протянула руку, взяла блокнот, положила к себе на колени и обхватила ладонями. И стала ждать, когда доктор Блум отреагирует на это явное подражание. Зачастую люди приподнимали бровь или сверкали краткой улыбкой. Но Блум будто и не заметила. Она продолжала спрашивать Серафину о ее жизни в школе и дома, и Серафина старательно уклонялась и увиливала от прямых ответов.

Она вышла от доктора час спустя, очень довольная тем, как ловко манипулировала психологом. Но не дойдя и до середины коридора, вспомнила про платки. *Они должны были понадобиться мне.* В следующий раз она ни за что не попадется так глупо.

Глава 5

Приближаясь к станции метро «Энджел», Блум проверила, на месте ли проездной – в кармане пальто. Но заметив толпу пассажиров, штурмующих турникеты, решила, вместо того чтобы спускаться в метро, пройти пешком полторы мили до Рассел-сквер. Встречи с новым клиентом всегда озадачивают, а свежий воздух поможет ей все как следует обдумать.

Она свернула направо, на Чадуэлл-стрит, чтобы обогнуть по краю Мидлтон-сквер и нырнуть в лабиринт тихих боковых улочек, когда зазвонил ее мобильник.

– Деньдобр, Шейла. – В роду у Маркуса Джеймсона австралийцев не было, и тем не менее каждый день его приветствие звучало на австралийский манер и с соответствующим акцентом.

– Деньдобр, Брюс¹, – отозвалась Блум, даже не пытаясь изменить свой заметный йоркширский выговор.

– Как ты там? – Джеймсон перешел на валлийский.

Блум задалась вопросом, как человек с настолько впечатляющим списком наград за работу в спецслужбах способен на такую политическую бестактность. Однако она полагала, что его подражание акцентам чем-то сродни черному юмору патологоанатома, – механизм психологической адаптации, помогающий удержаться на краю тьмы. А может, она перемудрила. И ему просто нравятся акценты.

– Уже возвращаюсь, – ответила она. – Буду минут через десять.

– Как все прошло с новенькой?

– Сама пока не знаю.

– Сложный случай?

– Пожалуй, сложная особа. А может, я несправедлива к ней. Извини. Напрасно я об этом заговорила.

– Предчувствия – это, между прочим, нормально, Огаста. Ты же не в вакууме живешь, чтобы быть совершенно беспристрастной. Иногда просто срабатывает чутье, и все.

– Да. Да. Может, все и так, но старания быть объективным никогда не пропадают даром. А теперь мне нужно время, чтобы подумать. Скоро увидимся.

– Вообще-то... я звоню, чтобы попросить об одолжении.

Блум покрепче прижала телефон к уху, чтобы не слышать шум транспорта. Это что-то новенькое. За пять лет совместной работы в их маленькой консультационной компании Джеймсон ни разу ни о чем ее не просил. Он принадлежал к числу независимых людей, которые стараются обходиться без помощи. Вот почему ей так нравилось работать с ним. После сеансов терапии с малолетними правонарушителями она не вынесла бы еще и делового партнера, нуждающегося в эмоциональной поддержке.

– Слушаю, – сказала она.

– Я бы хотел, чтобы ты встретила с человеком, который сейчас у нас в офисе. Ей нужна наша помощь. Ее мать пропала, и все это выглядит... несколько странно.

– А нам заплатят за помощь? – Блум свернула на Марджери-стрит.

– Нет. Не заплатят. Потому и речь об одолжении. Слушай, придешь – и я все объясню. Я просто хотел предупредить тебя заранее, чтобы не создавалось впечатление, будто ты попала в засаду.

Она поняла, что Джеймсон лжет. Он звонил не затем, чтобы предупредить ее и уберечь от ощущения засады. А чтобы заронить зерно интереса, зная, что против загадки она не устоит. «Ее мать пропала, и все это выглядит... несколько странно». С загадками они сталки-

¹ Огаста и Маркус называют друг друга именами, которые считаются типичными для австралийцев. –Здесь и далее примеч. пер.

вались постоянно. Порой их нанимали семьи, желающие выяснить, что стало с их близкими, когда убеждались, что полиция зашла в тупик. Или же сотрудники Королевской прокурорской службы, или адвокат ответчика, если преступление носило особенно туманный характер.

Они познакомились на конференции. Огаста выступала по вопросу о первичных мотивах криминальной эксплуатации. Джеймсон разыскал ее и для начала пошутил, что никто не в состоянии решать детективные загадки лучше бывшего шпиона и специалиста по криминальной психологии. Этим они и занялись спустя полгода.

Они составили неплохую команду. И были совершенно разными. Огаста полагала, что Джеймсон в школе считался мальчишкой, при упоминании о котором обычно восклицают: «А-а, этот!..» – компанейским, юморным заводилой и капитаном регбийной команды. И хотя более неорганизованного человека она в жизни не встречала, ему хватало уверенности в себе, чтобы излучать твердую и невозмутимую властность. Сама же Огаста отличалась предельной собранностью.

Для работы они арендовали помещение на цокольном этаже на Рассел-сквер, под гламурным пиар-агентством. Их офис был небольшим, темным и, что оба особенно ценили, неприметным.

* * *

Явившись в офис, Блум застала Джеймсона за его столом. Его темные волосы, отпущенные длиннее, чем следовало бы, падали завитками на глаза. Одетый в джинсы и рубашку, он, как всегда, обходился без галстука. На сидящей рядом с ним молоденькой девушке были выцветшие, нарочито драные джинсы-скинни и простой серый джемпер, каштановые волосы она собрала в длинный хвост низко на затылке.

– Джейн, – обратился к ней Джеймсон, – это Огаста.

Блум поставила сумку на пол и села за свой стол.

– Джейн часто остается на попечении моей сестры Клэр, пока ее мать отправляют за границу, – объяснил Джеймсон. – Лана служит в армии. Так что Джейн мы знаем с тех пор, когда она была еще совсем крошкой. За годы у нас накопилось немало воспоминаний о барбекю и киновечерах, верно? Она моя неофициальная племянница номер три. – Девушка тепло улыбнулась ему. – Сможешь рассказать Огасте то же, что и мне, Джейн?

Голос девушки звучал твердо, хоть глаза и были заплаканы:

– Мне сказали, что, если она ушла по своей воле, они ничего не могут поделать. Хоть я и объясняла, что здесь что-то не так.

– В полиции, – пояснил Джеймсон.

– Ты про свою маму? – уточнила Блум.

Джейн кивнула.

– Они говорили, что она вернется, когда сочтет нужным, но она же нездорова. – Джейн перевела взгляд с Джеймсона на Блум. – У нее ПТСР². Она служила в Афганистане и с тех пор мучается. Сколько раз она пропадала на всю ночь, но всегда возвращалась домой на следующий день.

– Давно ее нет? – спросил Джеймсон.

– Сколько тебе лет? – одновременно с ним задала вопрос Блум.

– Шестнадцать, – ответила Джейн.

– А где твой отец?

– У меня его нет.

Блум взглянула на партнера.

² Посттравматическое стрессовое расстройство.

– Давно ее нет? – повторил он.

– Больше недели. Она забрала все наши деньги, ничего не оставила мне ни на еду, ни на жилье, и с тех пор никто ее не видел. Я всех расспросила.

– И никаких звонков? Или писем по электронной почте? И в сети ничего? – попытывался Джеймсон.

Джейн покачала головой.

– Никто мне не поможет, – сказала она, глядя на Джеймсона. – Но Клэр говорила, что вы могли бы.

Блум увидела, как кивает Джеймсон, и ей стало тревожно. Раньше о таких одолжениях он никогда не просил, поэтому она поняла, что дело серьезное, но расследования, связанные с жизнью родных и друзей, опасны, – это было ей известно слишком хорошо.

– Говоришь, твоя мама служила в армии? – спросила Блум.

Джейн кивнула.

– Тогда тебе помогут там... в конечном итоге. – Блум знала, что эта машина заведется лишь в том случае, если Лана не явится на службу в положенный срок. – Но если у твоей мамы давно вошло в привычку неожиданно пропадать, вероятно, то же самое случилось и сейчас.

– Но я же еще не рассказала вам самое странное. – Джейн переставила с пола на колени сумку и принялась рыться в ней.

Блум переглянулась с Джеймсоном и приподняла бровь.

Джейн протянула Блум пачку бумаг.

– Она не одна такая. Я поспрашивала в сети, не пропал ли еще кто-нибудь так же, как она, и откликнулись четверо.

Блум постаралась, чтобы ее голос прозвучал мягко:

– Каждую неделю пропадают сотни человек.

Джейн держала бумаги на весу, пока Блум не протянула руку и не забрала их. Бумаги она разложила на своем столе. На каждом листе были распечатки переписки по электронной почте.

– Там есть одна беременная женщина из Лидса: ее жених съехал с дороги на машине, а потом просто вышел, направился прочь, и с тех пор от него ничего не слышно. Еще один человек, из Бристоля, писал, что его жена...

– И где же связь? – спросила Блум у Джеймсона.

Джейн нахмурилась.

– Она спрашивает о том, что объединяет все эти случаи, если это не просто список никак не связанных между собой людей, пропавших по никак не связанным причинам, – пояснил Джеймсон.

– Все они пропали в свой день рождения, – объявила Джейн, как будто это все объясняло.

– Та-ак... – Блум растянула короткое слово, не желая показаться жестокой.

– Покажи ей открытку, – попросил Джеймсон. Его глаза излучали спокойную уверенность. Он явно считал этот довод решающим.

Джейн протянула ей белый конверт.

– Все они получили такие же, прежде чем исчезли. Смотрите... – Она показала, когда Блум перевернула конверт и прочла мелкий серебристый шрифт. – Здесь имя мамы. И на всех открытках было одно и то же.

– «С первым днем рождения», – прочитала Блум. – «Твой подарок – эта игра. Слабо сыграть?» – Она перевернула открытку, но на обороте было пусто. – С ней прислали что-нибудь еще?

Джейн покачала головой.

– И все эти люди получили одинаковые открытки? – Блум снова просмотрела распечатки из электронной почты.

– Тот человек из Лидса оставил свою в машине. Его невеста написала, что полиция нашла открытку на пассажирском сиденье.

– Странно, да? – вставил Джеймсон.

– А в полиции ты ее показывала? – спросила Блум.

Джейн кивнула.

– Они сказали, это свидетельство того, что все эти люди предпочли исчезнуть, а взрослым можно так делать.

– Может, увидели, что там про «игру», и не восприняли всерьез, – предположила Блум.

– Мы уже сталкивались с чем-то подобным? – спросил Джеймсон.

Отвечать на его вопрос Блум не требовалось: он помнил во всех подробностях каждое дело, над которым они когда-либо работали. Под его растрепанной шевелюрой скрывался впечатляюще мощный мозг. Мозг, способный всесторонне рассматривать ситуации и справляться с любыми неувязками. Если бы ей предложил сотрудничество кто-нибудь другой, она отказалась бы, не задумываясь.

– А почему «*спервым* днем рождения»? – спросил Джеймсон.

Блум вложила открытку Ланы обратно в конверт.

– Думаю, если бы мы знали ответ на этот вопрос, то понимали бы, что все это значит.

– Итак, что скажешь? – начал Джеймсон после того, как отослал Джейн в «Косту» за латте. – Она всегда была чудачкой, эта Лана. Знаешь, какой-то слегка не такой, немного не в себе. Клэр часто тревожилась за Джейн. Война довела Лану, а расплачиваться пришлось ее дочери. Как и всем детям.

Он высказался без обиняков. Блум заметила, как он перескочил с одной несчастной девчонки на необходимость оказывать поддержку проблемным детям военных в целом, но промолчала.

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Мы слишком загружены. Мы не можем позволить себе работать даром. Но речь идет о друзьях. Тебе известно, почему я решил взяться за эту работу вместе с тобой... чтобы загладить вину, или принести хоть какую-то пользу, или... не важно. А если я не в состоянии помочь моим друзьям и родным, тогда какой в этом смысл?

Блум вздохнула. Ей хотелось поразмыслить, рассмотреть все стороны вопроса, взвесить риск. В ходе работы им часто приходилось углубляться в частную жизнь людей, изучать их скрытые намерения, поступки и мотивы. Как расследование отразится на отношениях Джеймсона и Клэр с этой Ланой?

– А как быть с нашей остальной работой, пока мы помогаем твоим друзьям? – спросила она.

– Справимся.

– Что скажут наши клиенты, если мы не уложимся в сроки?

– Уложимся. Все у нас получится.

– Ты правда не видишь ничего такого в том, что придется сунуть нос в жизнь твоего друга?

– Ланамне не друг. А мы просто помогаем незащитной девчонке-подростку разыскать ее мать.

– Безответственную мать, вполне способную исчезнуть уже в который раз ни с того ни с сего.

Джеймсон поставил локти на колени и некоторое время вглядывался в Блум.

– Но ты ведь заинтригована, так? Сразу было видно по лицу. Пять человек исчезли после того, как их одинаково взяли на слабо. Это уже не просто заскоки чокнутой мамы. А нечто большее.

Мириться с отказом он не собирался. И действительно был прав: случай заинтриговал ее.

– Кстати, об остальных семьях, – сказала она. – Убедись, что они не просто поддакивают Джейн, говорят то, что она хочет услышать. А я поговорю с ней самой.

– И скажешь, что мы поможем?

– Нет.

– Огаста...

– Нет, Маркус. Пока – нет. Пока мы не убедимся, что это в наших силах. Мы работаем не для того, чтобы разбрасываться лживыми обещаниями.

Глава 6

Да кто они, к чертям, вообще такие? Чтобы на нее давить? На нее! За собой бы лучше последили. Кретины. Тупые кретины.

Серафина вышагивала по холодным плиткам пола в туалете полицейского участка. Да, она ударила его в шею карандашом. Да, проткнула артерию. Но этот тип был мразью. Так ему и надо.

А теперь этой полицейской сучке вздумалось выяснять, *целилась* ли Серафина своим оружием.

– «Ты знаешь, где находится сонная артерия?» – Серафина передразнила девчоночий писклявый голос констебля Уоткинс. – «Ты целилась в сонную артерию? Ты пыталась убить мистера Шоу?»

– Да, – продолжала репетировать она свой ответ медленно и мелодично. – Я знаю, где находится сонная артерия. Мы проходили по биологии.

Пытаются ее подловить. За дуру держат, что ли? Так она и рассказала им всю правду! Тупые, тупые дебилы.

Серафина зажмурилась, выдавливая из уголков глаз несколько слезинок. Уставилась на свое отражение, отрабатывая реплики.

– Нет, я не собиралась убивать его... Нет, конечно, я не собиралась убивать его. – Она вспомнила, как сорвался голос Клодии, когда они столкнулись с Дундуком Дарреном, и попробовала сделать акцент на слове «убивать». – Нет, *убивать* его я не собиралась.

Самое то, думала она, возвращаясь в комнату для допросов, пока не выветрилось отрепетированное.

Глава 7

– Алло? – Блум прижала телефон к щеке и убавила громкость кухонного радиоприемника.

Опустив традиционный обмен любезностями, Джеймсон с жаром ринулся вводить ее в курс дела.

– Итак, три из четырех других исчезновений – настоящие. Я побеседовал с родственниками и местной полицией. Все пропавшие получили всё ту же открытку «слабо сыграть?» в дни своего рождения, которые пришлись на последние три месяца. Первой стала Фэй Грэм, мать двоих детей, которой пятого января исполнилось сорок два года, следующим – Грейсон Тейлор, студент, изучающий политологию, которому двадцать стукнуло десятого февраля, потом – Стюарт Роуз-Батлер, будущий отец, бросивший машину. Ему двадцать четвертого февраля исполнилось двадцать девять.

– А день рождения Ланы был всего неделю назад?

– Да. Девятого марта.

– Как ее фамилия?

– Рид.

Блум записала ее рядом с днем рождения Ланы.

– А пятый пропавший?

– По-видимому, ложный след. Некая Сара Джеймс связалась с Джейн в «Фейсбуке» и сообщила, что ее мать тоже пропала, но не сообщила никаких подробностей, кроме уже известных нам от Джейн.

– А что написала Джейн в своем сообщении?

– Спрашивала, нет ли у кого-нибудь знакомых, которые получили в день рождения белую открытку «слабо сыграть?», а затем пропали без вести.

– Замечательно, – оценила Блум, придвигая стул и садясь.

– Согласен, но она еще почти ребенок, и так у них сейчас принято – выплескивать в социальные сети каждую свою мысль. Вот мне и пришло в голову, а не фальшивка ли эта Сара, и в самом деле: письмо было отправлено из офисного здания в Суиндоне. Я навел справки: в той компании никакой Сары Джеймс нет.

– Кто-то почуял драму и смакует ее? Или под таким предлогом клеится к малолетке?

– Что-то в этом роде. Буду начеку, а пока у нас есть четыре настоящих исчезновения. Может, с Фэй и Грейсоном мы и опоздали – они пропали месяц или два назад, – но Лана и Стюарт отсутствуют всего несколько недель.

– Все равно срок может оказаться слишком долгим. А полицейские, с которыми ты беседовал, – они что-нибудь предпринимали?

– Ничего. По нулям.

– И никакого интереса к количеству потенциальных жертв?

– Просили держать их в курсе.

– Ну да, как же.

– Послушай, я понимаю, ты беспокоишься за нашу остальную работу, но я полистал органайзер и выяснил, что на следующей неделе нет ничего срочного. До ближайшего судебного заседания еще две недели, я уже связался с адвокатами и следователями по нашим делам и убедился, что сроки все прежние.

– У меня остаются еще несовершеннолетние правонарушители.

– Во вторник утром и в пятницу днем, так?

Блум нехотя подтвердила. К консультированию несовершеннолетних она относилась со всей серьезностью, и Джеймсон знал об этом.

– С ними мы выкрутимся. Одна неделя. Все, чего я прошу. Просто посмотрим, выйдет ли что-нибудь. Все затраты беру на себя.

– В этом нет необходимости. Хватит и средств на нашем счету.

– Это значит «да»? Тогда я назначаю встречу с невестой Стюарта? Она работает финансовым директором в аэропорту Лидс-Брэдфорд, так что это в твоих краях. И потом, она на тридцать восьмой неделе беременности.

Блум улыбнулась. Джеймсон знал, как повлиять на нее.

– Хорошо. Да. И давай еще раз встретимся с Джейн и проведем обстоятельную беседу.

– Договорились, – отозвался Джеймсон, и в телефоне стало тихо.

Блум прибавила громкость радио в надежде еще застать в эфире беседу с Иэном Рэнкином о смерти Колина Декстера – создателя инспектора Морса. Когда-то она обожала смотреть «Морса» вместе с отцом. Они наперебой угадывали, кто преступник, а потом ее отец, как опытный юрист, указывал на неувязки в деле. Ему она была обязана своей увлеченностью преступными намерениями.

Блум разогрела суп с брокколи и стилтоном, сваренный в воскресенье, нарезала хлеб домашней выпечки. И устроилась за кухонным столом как раз в ту минуту, когда зазвучала музыка Баррингтона Фелунга из «Морса». Первых нот хватило, чтобы в ней пробудилась ностальгия, захотелось еще хотя бы раз очутиться рядом с отцом на диване. Провести вместе еще один вечер.

Глава 8

В кухне Клэр большая часть крыши и стена были застекленными, повсюду валялись плюшевые игрушки и детали пазлов. Блум смотрела, как две девчушки носятся вокруг кухонного стола и восторженно визжат. Клэр то и дело пыталась утихомирить их. Она возилась с кофемашиной – мудреным новомодным агрегатом, варила кофе, взбивала молоко и одновременно рассказывала Джеймсону о новой работе ее мужа. Блум заинтересованно слушала их разговор. Единственный ребенок двух интеллектуалов, в детстве она редко сталкивалась с беззлыми подначками и шутками, поэтому обмен колкостями и дружные смешки и увлекали ее, и казались чуждыми.

– Извини, Огаста. Надо бы спровадить эти шумовые генераторы в парк, чтобы хоть немного посидеть в тишине и покое, – сказала Клэр. – В самом деле, народ, угомонитесь хоть на минутку. Вы меня до мигрени доведете.

Девочки продолжали носиться кругами по кухне, но уже без визга.

– С Джейн творится что-то не то последний день или два, – сообщила Клэр брату.

Сама Джейн до сих пор не появилась. Клэр крикнула в сторону лестницы, когда пришли Блум и Джеймсон, позвала Джейн спускаться, но с тех пор прошло уже больше четверти часа.

Джеймсон отнес свою чашку капучино к месту напротив Блум, потом поставил перед ней чашку чая.

– Это ты о чем?

Клэр оглянулась в сторону лестницы и понизила голос:

– Засиживается и залеживается допоздна, почти не ест.

– Прямо как ты в подростковые годы. – Джеймсон отпил кофе и слизнул молочные усы.

– Ага, зато ты был мечта, а не ребенок, – парировала Клэр и улыбнулась Огасте. – Так что, по-вашему, случилось? Лана попала в беду или просто загуляла? – Клэр снова обернулась: – Девочки!

– Мы больше не будем, мама! – хором затянули ее дочери.

– Странное тут дело, сестренка. – Джеймсон отпил уже половину чашки и с наслаждением вдыхал запах кофе. – Другие люди, получившие такие же открытки, пропадают где-то уже несколько недель, а первый из них исчез два месяца назад.

– А как считаешь ты? – спросила Блум. – Могла Лана ввязаться в какую-то игру просто так, ни с того ни с сего?

Клэр понизила голос:

– В последнее время Лане пришлось нелегко. Она мучается с самого Афганистана. Туда она выезжала еще несколько раз, только уже водителем, но и это далось ей непросто. Не знаю, что там произошло, но она едва держалась.

– Как думаешь, она могла захотеть все бросить? – спросила Блум.

– Она ни за что не оставила бы Джейн. Она хорошая мать.

Джеймсон зацокал языком.

– Что ты несешь, Клэр? Ты же всегда жаловалась, что мать из нее ужасная.

Клэр наклонила голову, приподняла бровь, указывая в сторону коридора, и заговорила сквозь зубы:

– Не всегда. Только когда меня никто не подслушивал.

Джеймсон понизил голос:

– Ясно, но скрытность нам ничем не поможет. Нам надо знать, что с Ланой на самом деле.

– Прекрасно, – Клэр тоже понизила голос, обращаясь к Блум: – Лана очень хорошая и веселая, но с полным приветом. Ей нельзя доверять ни оплату счетов, ни поход за покупками, и ПТСР тут ни при чем. Она всегда была такой, с тех самых пор, как мы с ней познакомились.

– То есть сколько? – спросила Блум.

– Около десяти лет. Они с Джейн переехали сюда вскоре после нас с Дэном. Жили в семнадцатом доме. Он поделен на квартиры. – Клэр бросила взгляд в сторону коридора. – Чего только девчонка не натерпелась из-за нее. Удивительно, как после такого пьянства и вечных отлучек матери Джейн сама не пошла вразнос.

– Ей повезло: у нее есть ты и Сью, – подсказал Джеймсон.

Клэр ответила брату улыбкой, а для Блум пояснила:

– Сью живет напротив. Мы с ней по очереди годами присматривали за Джейн, но в последнее время ее чаще опекаем мы с Дэном. Сью с Марком разводятся.

– В последнее время не случалось ничего такого, что навело бы на мысль: Лане стало тяжелее обычного?

Клэр нахмурилась и покачала головой:

– Честно говоря, я даже думала, что ей полегчало.

Блум знала, что люди, страдающие депрессией, часто производят впечатление поправляющихся за несколько недель или дней до того, как совершают самоубийство.

– Расскажи Огасте про мужчин, – попросил Джеймсон сестру.

В дверях возникла Джейн.

– Привет, соня, – сказала ей Клэр. – Выпьешь чашечку?

Джейн кивнула. Кое-какие усилия она над собой сделала – по крайней мере, оделась, но этим и ограничилась. Ее волосы неряшливо свисали на лицо, легинсы и футболка с длинным рукавом мало чем отличались от пижамы.

– Как жизнь? – обратился Джеймсон к Джейн.

Та слабо улыбнулась в ответ.

– Остальное тебе расскажет Маркус, – пообещала Клэр, выпроваживая детей в коридор.

Они оделись и ушли в парк.

Джеймсон повернулся к Джейн:

– Нам надо, чтобы ты рассказала о своей маме как можно больше. Только предельно честно и откровенно. Нам необходимо знать все. Хорошо? – Джеймсон говорил более мягким тоном, чем обычно. Сразу было видно, что он беспокоится за эту девочку.

Джейн села, поджав под себя ноги, и кивнула.

– С чего мне начать? – Ее голос был все еще сиплым со сна.

– Просто расскажи, какая она, твоя мама, – попросил Джеймсон.

Джейн засмотрелась в сад.

– Мама слегка с приветом, а иногда вообще как чокнутая, но...

Джеймсон терпеливо ждал.

Джейн посмотрела на них обоих.

– Она старалась изо всех сил. От отца ей не перепало ничего. В двадцать один год она осталась матерью-одиночкой с двухлетним ребенком на руках и без работы.

Для большинства шестнадцатилеток двадцать один год – это чуть ли не старость. Блум предположила, что Джейн повторила слова матери, а не высказала свои мысли.

Джейн продолжала:

– Она подала заявление на офисную работу на армейской базе, но тесты сдала так хорошо и настолько понравилась им, что ее взяли на военную службу, – она пожала плечами. – Поэтому она часто уезжала, а я оставалась с Клэр и Сью. Я так радовалась ее возвращениям, а она всегда была какой-то далекой. Просто хотела спать. Или потусоваться где-нибудь.

– Сурово, – заметил Джеймсон.

Джейн смотрела в свою чашку с чаем.

– Я стараюсь присматривать и за ней, и за домом.

– И правильно делаешь, – Джеймсон улыбнулся ей. – А твой отец когда-нибудь пытался связаться с тобой или с твоей мамой?

Это направление расследования могло стать ключевым, если бы полиция занялась исчезновением Ланы.

Джейн покачала головой:

– Мама позаботилась, чтобы он нас не нашел. Он был торчком. Крал у нее деньги. Однажды, когда я была еще совсем маленькой, она оставила меня с ним, а когда вернулась, у меня на лице был синяк. И она поклялась, что больше никогда не позволит ему обидеть меня.

– Так он ушел? Или это она его выгнала? – спросила Блум.

Джейн нахмурилась, потом кивнула. Блум взялась за ручку и нацарапала у себя в блокноте: «Отец ушел сам или его выставили?»

– А как вела себя твоя мама до того, как пропала? Она была в длительном отпуске? – спросил Джеймсон.

– Да, потому что ПТСР обострился.

– Она не проходила никакого лечения? – спросила Блум.

Джейн покачала головой:

– Кажется, нет.

– Но ее все же отправили в продолжительный отпуск? – подхватил Джеймсон.

Блум записала: «Отпуск без лечения?»

– И как у нее шли дела? – продолжал Джеймсон.

– Неплохо. Правда, она постоянно и помногу пила и целыми днями просиживала за компьютером, но была в хорошем настроении. В день рождения захотела сходить куда-нибудь на чай. И все бы неплохо, но...

Голос Джейн звучал так, будто она ей не дочь, а мать. Блум задумалась, сколько еще продержится эта девочка. Дети алкоголиков и наркозависимых родителей, вынужденные нести ответственность за них, часто убегают из дому, как только представляется такая возможность, и не возвращаются никогда.

– Не знаешь, случайно, она не могла с кем-нибудь поскандалить? – спросила Блум.

– Не больше обычного. Ты же знаешь маму, – добавила Джейн, обращаясь к Джеймсону. Тот приподнял брови и усмехнулся, давая понять, что ему не понаслышке известна эта черта характера Ланы. Джейн повторила его усмешку. Они будто обменялись давней шуткой, и девочка сказала Блум: – Она никогда не упускает случая ввязаться в скандал.

– Никогда, – подтвердил Джеймсон, и Блум задумалась, сколько споров и ссор за годы случилось между Ланой и Клэр, а если уж на то пошло, то и между Ланой и Джеймсоном.

Блум продолжала расспросы:

– Какие-нибудь из этих конфликтов тревожили твою маму больше обычного? Или, может, даже пугали?

Джейн покачала головой:

– Вряд ли маму могло испугать хоть что-нибудь. Если я волновалась, не важно по какому поводу, она просто велела мне не дурить. «Да чего тут бояться-то?» – говорила она.

Много чего, мысленно отозвалась Блум. Порой страшнее всего оказываются те, кто ничего не боится.

Глава 9

Уважаемая доктор Блум!

Сегодня утром констебль Уоткинс пришла сообщить нам, что Даррен Шоу не умер. Он в тяжелом, но стабильном состоянии. Она сказала, это очень поможет в моем деле. Но потом позвонили из школы: меня временно исключили, теперь мне нельзя участвовать в предстоящих экскурсиях. Я объяснила маме, как важны для меня занятия и как я люблю рисование. Сейчас она звонит директору, чтобы убедить его отменить запрет. Клодия едет, и я не понимаю, почему мне нельзя. Дело не в том, что я не смогу наверстать пропущенное. Я преспокойно могла бы пропустить целый семестр и все равно сдать экзамены.

Я не уверена, что полиция и школа понимают, в чем состоит смысл правосудия. Ведь это же целиком и полностью вина школьного смотрителя. Я не просила его идти за нами в зал и совершать развратные действия. Так зачем же наказывать меня и моих бедных родителей, если мы абсолютно ни в чем не виноваты?

Я могла бы поискать материалы по случаям отступления от принципов правосудия. Если я найду что-нибудь, что может пригодиться для Вашей работы, я дам Вам знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.